

Р. Г. Бармин



ПРОЛЕГОМЕНИ РОССИЙСКОЙ КАТАСТРОФЫ

В трех частях

Часть I
Пролегомены октября 1917

Рудольф Бармин

**Пролегомены российской
катастрофы. Часть I.
Пролегомены октября 1917**

«Accent Graphics communications»

2015

Бармин Р. Г.

Пролегомены российской катастрофы. Часть I. Пролегомены октября 1917 / Р. Г. Бармин — «Accent Graphics communications», 2015

В течение более чем семидесяти лет вожди СССР утверждали, что господствующий в стране строй был воплощением всепобеждающих идей марксизма-ленинизма. Публично сомневающихся в этом ждал расстрел, лагерь или психушка. Крушение коммунистического Левиафана дало возможность выяснить подлинные истоки «всепобеждающей» демагогии. Об этом – предлагаемый опус.

© Бармин Р. Г., 2015

© Accent Graphics
communications, 2015

Содержание

Вместо предисловия	5
I. Эпоха Николая I	6
II. Эпоха Александра II	8
III. Эпоха Александра III	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Рудольф Бармин

Пролегомены российской катастрофы.

Часть I. Пролегомены октября 1917

Вместо предисловия

Предлагаемая автором тема посвящена попытке ответить на вопросы: «Почему неорганичное, чужеродное для российской истории политическое течение почти сто лет назад одержало верх над всеми своими оппонентами? Каковы его истоки? Почему оно смогло в течение длительного времени быть господствующим в общественной жизни самодержавной России, сам дух которой, казалось бы, был смертелен для такой политической проказы, как социализм?! Почему вплоть до сегодняшнего дня это течение именуется как освободительное, хотя с его торжеством на одной шестой суши превалировали процессы противоположного характера?».

В условиях большевистско-коммунистической диктатуры ответы на эти вопросы носили односторонний, субъективный характер, ибо гуманитарные науки были служанками господствующей идеологии, а любители истины подпадали под недремлющее око «искусствоведов в штатском». Чему в немалой степени способствовал и сам «гуманитарный» официоз. Сегодня условия для поиска объективной истины стали более адекватны, что дает возможность наше предшествующее двухсотлетие препарировать аппаратом науки, а не идеологии. Забвение этого принципа было не последней причиной падения казалось бы вечно живого советского Мусафаила. Поэтому, чтобы не повторить ошибок большевистско-коммунистического агитпропа, необходима подлинная картина России вчерашней, что позволит нам строить ее более благоприятное настоящее и будущее.

Автор и пытался внести свою лепту в написание такой картины. Преуспел ли он в этом – судить читателю.

I. Эпоха Николая I

Николай I оставил после себя тяжелое наследство – еще продолжалась Крымская война, истощающая людские ресурсы и сеющая всеобщее недовольство, подрывающая международный авторитет России. Всю первую половину XIX века (и вообще до Февральской революции 1917 года) романовская династия проводила международную политику, зачастую противоположную как ей самой, так и интересам России. Добровольно взятые на себя российской короной обязательства по Священному союзу во имя спасения изживших себя европейских монархий, спасение империи Габсбургов в 1849 году, отплативших черной неблагодарностью во время Крымской войны, 30-летняя кавказская война основательно расшатала экономику и финансы страны. Отягощали общество и самые тяжелые гири – крепостническая система и самодержавие.

Яркую характеристику николаевского наследства дал наиболее вдумчивый и проницательный цензор XIX века А. В. Никитенко: «Администрация в хаосе, нравственное чувство подавлено, умственное развитие остановлено, беззаконие и воровство выросли до чудовищных размеров. Все это плод презрения к истине и слепой варварской веры в одну материальную силу... Воровство, поверхностность, ложь и беззаконие – наши главные общественные раны (Никитенко А. В. Дневник в трех томах. М.: Гос. Изд-во худ. лит-ры, 1955. Т. 1. С. 421, 431). Написано как про сегодняшний день!

Разве общественные раны современного российского бытия – всеобщая продажность чиновничества, разгул преступности, коррупции, лжи и лицемерия, воровства и тому подобных цветов зла – не стали еще более зияющими?! Наличествует и еще более мерзкое явление – в николаевской России верхи Родиной не торговали, т. е. в государственной измене уличены не были. Сегодня – это их хлеб насущный. Поневоле согласишься с Чаадаевым, чуть ли не 200 лет назад высказавшему мысль о предназначении России быть неким отрицательным уроком для человечества. С кончиной Николая I Никитенко ставит вердикт его эпохе: «Все царствование Николая I было ошибкой. 29 лет он восставал против мысли, но не погасил ее, а сделал оппозиционную правительству» (Никитенко... Т. 2. С. 67). Не менее резкой была характеристика Николая I и Тютчевым в 1855 году:

Не Богу ты служил и не России, Служил лишь суете своей, И все дела твои, и добрые и злые, – Все было ложь в тебе, все призраки пустые: Ты был не царь, а лицедей. (Ф. И. Тютчев. Россия и Запад. Культурная революция. Республика. М., 2007. С. 167).

Но если Никитенко, Тютчев и другие давали безжалостную оценку Николаю I втуне, то некоторые великие князья свой вердикт системе произносили вслух. Так, сын Николая I великий князь Константин Николаевич (1827–1892) в 1857 году писал князю А. И. Барятинскому: «мы слабее и беднее первостепенных держав не только силами материальными, но и силами умственными, особенно в деле Администрации» (Вострышев М. Августейшее семейство. М.: Олма-пресс, 2001. С. 8). В июне 1859 года он еще более откровенен: «Наше положение страшное. Нужны не полумеры – наши обыкновенные манеры, но решительные меры» (Указ. соч. С. 9). При Александре III великий князь Константин Николаевич впал в немилость, хотя мог внести определенную лепту в оздоровление общественного климата. Умных людей Александр III возле себя не терпел (Богданович А. Три последних самодержца. М.: Новости, 1990. С. 197).

П. А. Валуев в 1855 году Александру II о положении дел в России: «сверху блеск, снизу гниль» (Боханов А. Император Александр III. М.: Русское слово, 1998. С. 260). Не боялись царские сановники говорить царям правду в глаза, ни чета советским или нынешним околовластным холуям – лстить и подмигивать кремлевским узурпаторам. Справедливости ради, надо отметить, что Николай I видел определенные изъяны унаследованной им общественной системы, в частности крепостного права, и пытался в определенной степени ослабить его

тяжесть. В 1827 году был издан закон, по которому, если в имении на крестьянскую душу приходилось менее 4,5 десятин земли, то такое имение берется в казенное управление или предоставляется крепостным право перечисляться в свободные городские сословия. С 1835 года существовал тайный комитет по крестьянскому вопросу, издавший ряд законов, расшатывавших крепостное право. На основании закона 1841 года было запрещено продавать крестьян в розницу. Закон 1842 года «об обязанных крестьянах» позволял помещикам на известных условиях уступать крестьянам свои земли в постоянное наследственное пользование. Законом 1843 года запрещалось приобретать крестьян безземельным дворянам. В 1844 году вышло два распоряжения о дворовых людях: помещик по обоюдному согласию мог отпускать дворовых на волю без земли или если имение заложено в банке. Указ 1847 года разрешал помещичьим крестьянам выкупаться на волю с землей в случае продажи имения с публичного торга.

Закон 1848 года разрешал крестьянам приобретать недвижимую собственность с согласия помещика (Кавелин К. Д. Наш умственный строй. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 562–563). Хотя эти законы и указы в некоторой степени ослабляли крепостнический ошейник, но в целом проблему крепостничества не решали. Возможно, для верхов нужна была некоторая политическая катастрофа, которая бы встряхнула все общество, ускорив избавление от проклятых пут прошлого, ускорила бы осознание в правящем классе губительности дальнейшего сохранения политико-экономических оков прошлого. Такой встряской и стала Крымская война, обострившая основные противоречия реакционной общественной системы.

Стало очевидным, что без ликвидации крепостничества и определенной либерализации политической системы дальше развиваться немислимо. В верхах родилась формула: «Крепостное право лучше отменить сверху, чем ждать, когда его отменят снизу». В воздухе запахло переменами, началась александровская оттепель, сопровождавшаяся ростом свободомыслия и оживлением общественной деятельности, немислимой при Николае Палкине.

II. Эпоха Александра II

По восшествии на трон Александр II образовал Главный крестьянский комитет, обязав его разработать программу ликвидации позорного наследия веков. Итогом его работы стал Манифест от 19 февраля 1861 года, упразднивший крепостное право и ударивший «одним концом по барину, другим по мужику». Недовольство Манифестом охватило широкие слои дворянства, которое лишалось определенных привилегий – экономических, политических. Помещики лишались дарового крестьянского труда, была ликвидирована их монополия в винокурении, не выдержали конкуренции свечные, салотопенные, суконные, ковровые и прочие производства, существовавшие в помещичьих имениях (Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. М.: Наука, 1979. С. 107–108).

Труд и техника помещичьих производств были слишком архаичны, чтобы выдерживать соревнование с более современными технологиями, организацией труда и пр. Дворянство недовольно было тем, что правительство освободило крестьян по-своему, а не так, как хотело оно. А оно требовало «не устанавливать конкретные размеры наделов и повинностей, предоставив их на усмотрение помещиков, а в другой раз – уменьшить размер будущих крестьянских наделов» (Кавелин... С. 561), и даже «угрожало правительству народными бунтами и требованием конституции» (Кавелин... С. 141). Некоторые помещики, материально пострадав от Манифеста, в своем антикрестьянском раже договаривались до нелепостей. Так, М. А. Дмитриев гневно возглашал, что крестьяне «не проливали ни одной капли крови за отечество, но зато не прольют ни одной капли сивухи мимо рта» (Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. Новое литературное обозрение. С. 15).

Александр II отверг подобные домогания. По Манифесту помещики теряли часть своей земли (крестьянин по Положению был обязан выкупить свою усадьбу), крестьяне не обязаны были нести дополнительных повинностей и платить натуральную дань (птицей, яйцами, ягодами и пр.), барщина уменьшалась до 40 дней мужских и 30 дней женских (Кавелин... С. 561).

Потери несли и крестьяне, получившие на 18 % меньше земли, которой пользовались до реформы (Россия в эпоху реформ. «Посев». Сб. статей, 1981. С. 18). Другим недостатком реформ было сохранение земли в общинном владении до 1906 года, что служило тормозом в развитии как производительных сил в сельском хозяйстве, так и в социальной дифференциации среди сельского населения.

Освобождение крестьян не принесло желаемого верхам успокоения в обществе. Обе стороны – и помещики и крестьяне – считали себя обманутыми. По стране прокатилась волна крестьянских бунтов. Не осталось в стороне и дворянство – 13 тверских дворян возмутились Манифестом и были посажены в крепость на суд Сената (Никитенко... Т. 2. С. 259); злобное недовольство проявила его «худородная» часть, из которой наиболее радикально и социалистически настроенные уходят в революционное движение, возглавив его. Как отмечал И. Аксаков, в 1867 году только мелкопоместные – или пассивные, или слишком страстные (Аксаков И. С. Сочинения. М., 1886. С. 345).

Ревизии 40–50-х годов XIX века показывают, из мелкопоместных потомственных дворян десятки тысяч были однодворцами – они сами обрабатывали землю, вели хозяйство и «не могли вести образа жизни, приличного лицам первенствующего сословия» (Корелин... С. 63). В канун реформы 1861 года мелкопоместные дворяне, владевшие до 20 душ, составляли 41 % сословия (Корелин... С. 61). Вот из этих озлобленных «худородцев» вскоре и составителю отряд ишутинцев, каракозовых, ткачевых и прочих отщепенцев, возмнивших себя спасителями человечества, ради спасения которого угрожают десятки миллионов человек. Но это – впереди. А пока словами Манифеста Александр II пытался заручиться поддержкой дворянского сословия в деле реализации грандиозного мероприятия.

«Полагаемся на доблестную о благе общем ревность Благородного Дворянского сословия... к осуществлению наших предначертаний» (Кавелин... С. 563). Благородное сословие ответило в большинстве своем пассивно отрицательной реакцией, а некоторые – затаенным отмщением.

Интеллигенция из среды образованных «худородных» дворян, разночинцев в силу наличия в ней избыточной творческой энергии устремилась в радикализм. Хотя условия пореформенной России требовали участия образованных кадров. Но заниматься пореформенной буржуазной рутинной для горячих натур, открывших столбовую дорожку российской действительности, русского народа, русской истории было слишком унижительно, недостойным делом распирающихся от тщеславия натур. Идти в народ, чтобы просто учить, лечить, строить новый каркас буржуазной России для людей, почему-то возмнивших себя спасителями человечества от язв западной буржуазной цивилизации, было делом аморальным, недостойным их высокой миссии. Для людей, свихнувшихся на социализме и мессианизме, одержимых нетерпением скорейшего облагодетельствования человечества открытой ими истины – социалистического переустройства России, трудиться в роли рядовых строителей буржуазной России было преступлением. Зачем повторять путь гнилого Запада, передовая мысль которого развилась до идеи социализма; способствовать умножению язв пролетариата, социальных катаклизмов типа революций 1848 года, Парижской коммуны 1871 года и тому подобных явлений на российской почве, когда можно одним махом – уничтожением самодержавия, «не имеющего корней» в российской истории, установить царство всеобщей справедливости и благодати?! Трудиться на почве буржуазной рутины им было не по нутру, это оттягивало социальный переворот и наступление счастливейшей эры человечества в царстве всеобщей справедливости, в котором, правда, они, архитекторы этого царства, должны играть главенствующую, руководящую роль – пасомое стадо может заблудиться без пастуха.

Так формировалась и разыгрывалась незатейливая социологическая оперетка – реками крови по ходу ее развертывания и оглушительным провалом в финале.

Еще в канун обнародования Манифеста здравомыслящие люди предлагали верхам:

1) собрать всех губернаторов;

2) собрать всех предводителей дворянства с целью дать общую инструкцию и тон, как действовать и призвать к духовному содействию правительству в предстоящем великом труде по претворению Манифеста (Князь Мещерский. Воспоминания. Захаров. М., 2001. С. 81).

Обращение осталось без ответа. Верхи не захотели собрать и объединить дворянское сословие общим делом. И потому обращение Александра II при оглашении Манифеста проявить ревность дворянство сию просьбу «не расслышало». Взаимная глухота расширила трещину между династией и благородным сословием, отрицательно отразившись на проведении в жизнь великой реформы, реализация которой была плохо продумана. И потому родила в народе противоречивые толкования и в конечном итоге трения и столкновения. Чем объяснить взаимную глухоту?

Декабристы заложили подозрительность царской династии к дворянству, и династия свою опору все в большей степени начинает видеть в служивой бюрократии. Между престолом и дворянством после 14 декабря 1825 года пролегла более жесткая граница, чем до этого. Советоваться с «бунтовщиками» корона не желала. Перед зимней сессией дворянских собраний в 1859 году МВД с «высочайшего повеления» оповестило губернских предводителей, что дворянству запрещается обсуждать вопросы по освобождению крестьян (Корелин... С. 237). Манифест в еще большей степени оттер дворянское сословие от управления в пользу бюрократии, власть которой после «бюрократического» указа Екатерины II (об обязательном повышении через 7 лет) стала повсеместной и всеохватывающей. Властный формализм чиновников плодил армию бюрократов по старшинству, а не по профессиональным качествам, по достижению 8-го чина он получал потомственное дворянство. Рознь между династией и дворян-

ством углубилась. Заметно стал меняться и этнический состав вокруг трона: русских становится все меньше, немцев и прочих иностранцев – все больше. Нежелание поступиться мизером морального свойства в интересах целого в конечном итоге привело к общему краху. Здесь уместно напомнить, что раскол между династией и первенствующим сословием имел длительную предысторию.

При Петре I дворянство обязано было служить на государственной службе пожизненно. В 1736 году императрица Анна ограничила срок службы 25-ю годами. «Манифест о вольности дворянства» Петра III 1762 года освобождал дворянство на «вечные времена» от обязательности любой государственной службы. Оно перестало быть крепостным и в силу материальной независимости постепенно стало отходить от политической, военной и прочей государственной службы, уступая ее выходцам из различных сословий, сумевших приобрести соответствующее образование. Жалованной грамотой 1785 года Екатерины II подтверждались все вольности Манифеста 1762 года и добавлялись новые: земли, находившиеся в руках дворянства, объявлялись их частной собственностью, которую нельзя было изъять у них без суда, и дворяне освобождались от телесных наказаний. С этих пор они обрели статус гражданства, правда, в условиях российской действительности, сугубо формального, так как в условиях неограниченного самодержавия политически свободных граждан в принципе не могло существовать. Но обретение личной свободы не подвигло их к проявлению гражданской активности. Избавившись от обязательной государственной службы, основная их масса ушла в провинциальный застой, рассеявшись по своим дворянским гнездам, рождая «лишних» людей – чацких, онегинных, обломовых или цареубийц. Все сумасбродные идеи от некритического усвоения западных теорий рождались здесь же – в дворянских гнездах – сельских или городских. В зависимости от семейных традиций, кругозора, умственных потенций и рефлексии на окружающую действительность одни становились горячими поклонниками русской самобытности, другие – западных ценностей, хотя «тех и других объединяло одно – расширение свободы» (Чичерин). Наиболее нетерпеливые, подстегиваемые избыточным тщеславием, миражами революций и скорого воцарения социальной справедливости, бредовыми идеями благодетельствования русского мужика и другими химерами, создавали тайные общества или, прихватив материальные ценности, созданные потом своих крепостных, скрывались за границей, чтобы оттуда, из буржуазной безопасности проклинаемого ими гнилого Запада будить топорные инстинкты российского обывателя. Все разновидности российских социалистов – это космополиты, утратившие связь с почвой: русским народом, историей, бездомные бродяги, идеологические провокаторы и диверсанты; «лишние» люди, не сумевшие вписаться (адаптироваться) в конкретные исторические условия, не создавшие семейной жизни, быта, ничего конкретно положительного для своей страны, но претендовавшие на учителей человечества; люди, покалеченные бредовой идеей всеобщего братства, за которой скрывалась древняя, как мир, элементарная потребность в удовлетворении личного интереса, ради которого готовы были истребить полмира. Готовы были весь мир взять в братья – и всех в конечном итоге бросили. Относительно этой породы людей незаслуженно забытый ныне незаурядный российский мыслитель Р. А. Фадеев в 1874 году предупреждал власть и общество, что «в будущем Россия будет поставлена сделать выбор: или сильная власть или власть беглецов-социалистов» (Фадеев Р. А. Кавказская война. М.: Эксмо-Алгоритм, 2003. С. 583). Не вняли... Замкнувшись в глуши провинциальной периферии, первое сословие начинает постепенно морально вырождаться. Наполеоновское нашествие 1812 года «пробуждает» впавшее было в «летаргический сон» дворянство, рождая массовый патриотический подъем. Заграничный поход русской армии, соприкосновение с европейскими формами бытия вызывают среди определенной части дворянского офицерства критическую переоценку «пещерной» российской действительности, желание осовременить ее. Итогом этих страстных желаний стал последний всплеск политической воли подпольного дворянского офицерства 14 декабря 1825 года. Восстание было подавлено, между короной и дворянством

пролегла межа. Потеряв доверие со стороны престола, дворянство отошло от политической активности, похоронив себя в своих поместьях. Да и сверху культивировалась гражданская пассивность. И до реформы 1861 года крепостными оставались не только крестьяне. Политическую аморфность и гражданскую сонливость дворянства тонко подметил путешествовавший в конце 30-х годов XIX века по России де Кюстин: «Русские помещики – владыки в своих поместьях, политической силы не имеют, они – пустое место» (Маркиз Астольф де Кюстин. Николаевская Россия. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1990. С. 268).

Инициатива снизу стала прорастать только в канун отмены крепостного права и после, но дворянство в массе своей, веками воспитанное в узде, к этому времени уже социально деградировало. К реформе оно, развращенное паразитизмом растительного существования, окончательно выродилось в сословие духовных импотентов, чужающееся гражданской активности.

Уездные и губернские дворянские собрания, проходившие крайне редко, решали вопросы чисто местные, постановкой общероссийских задач, за редким исключением, не озабочивались. Поэтому в силу политической разрозненности, дворянства, как политической корпорации, не существовало. Династия этим фактором могла быть довольна, ибо угроза ей с этой стороны перестала существовать. Хотя последствия такой политической аморфности в будущем обернулись для нее катастрофой. В течение веков препятствуя политической самоорганизации благородного сословия, трон сам себе вырыл могилу – в годы суровых испытаний на прочность династия осталась без естественной исторической опоры. Зато в течение многих десятилетий она мирилась с дворянским радикализмом, политически оформившимся в террористические организации – от Ишутина до Ленина – и поставившими себе цель низвергнуть самодержавие, устроив на его обломках утопическую коммуно-тюрьму, в сравнении с которой предшествующая российская крепостная система выглядела сущим санаторием.

Династия вместо закрепления и развития либеральных реформ начала 60-х годов с первыми выстрелами террористов-дворян потеряла политическое равновесие, усомнилась в их своевременности. Начала проявлять колебания. А требовались совсем «пустяки». Избавиться от шептунов-ультраконсерваторов типа Победоносцева, укрепить в масштабах страны систему политического сыска, жандармерию, собственную охрану, охрану высших административных чиновников, повесить всех народоходженцев (их было-то всего около 1000), сеющих смуту среди невежественных крестьянских масс, твердой рукой навести элементарный порядок, т. е. внять совету мудрых идеологов раннего российского самодержавия Ю. Крижанича и Ф. Прокоповича, пропагандировавших политику «Моисеева прута» (самодержавия), как единственного средства преобразования и благоденствия России. То же самое подсказывали и либералы-державники типа Чичерина, что успешность реформ зависит от их проведения твердой рукой, а их замедление, свертывание может иметь только сугубо отрицательные последствия. Но последние Романовы (с Александра II) отличались или отсутствием твердой воли или скудоумием, или тем и другим вместе. Если представители европейских властвующих династий, как правило, заканчивали определенные высшие учебные заведения, то русские цари воспитание и образование получали домашнее, причем особенное внимание уделялось иностранным языкам – немецкому, французскому, английскому. Но отсутствие систематического образования в области общественных дисциплин приводило к поверхностному взгляду на суть общественных явлений, неадекватной реакции на события внутренней и международной жизни.

Резкий переход от жесткой политики Николая I к либеральной политике Александра II, возведенной отменой крепостного права и рядом буржуазных реформ начала 60-х годов, требовал от их инициаторов при их проведении твердой воли, понимания возможных последствий и ясности целей этих реформ. Не вызывает сомнений, что царь-«Освободитель» понимал суть начатых им реформ, но вот на вызываемые ими последствия реагировал неадекватно. Начавшаяся после смерти Николая I оттепель выплеснула на поверхность общественной жизни немало гнили в виде различного рода радикальных течений, кружков, личностей и тому подоб-

ных элементов, озабоченных одной целью: максимально расшатать государственные устои и в условиях всеобщего их ослабления попытаться захватить власть для претворения своих сумасбродных проектов. И даже первые выстрелы в либерального царя-реформатора не подвигли последнего к принятию крутых мер относительно радикалов, замахнувшихся не только на него, но и на его детище. Отмечавшаяся Победоносцевым, Никитенко, Кропоткиным и другими современниками Александра II его слабохарактерность выразилась в непоследовательности проведения им либеральных начинаний, породивших многоликую вольницу в обществе, яростную полемику между либералами и консерваторами. Выступления экстремистов толкали Александра II вправо на удовлетворение некоторых требований реакции, сдерживание реформ земской, судебной, городского самоуправления, в отказе дворянских претензий на организацию высшего сословного представительного органа и т. д. (Корелин... С. 242–243).

Но следует отдать Александру II и должное: несмотря на ожесточенную борьбу вокруг него справа и слева, к началу 80-х годов он осознал необходимость увенчания своих либеральных реформ введением прообразов российского парламента и конституции. 17 февраля 1881 года Александр II подписал указ, дарующий России ограниченное народное представительство. Идея образования такого органа обсуждалась в 1863, 1866, 1874, 1879, 1880 годах. К рубежу 70–80 годов идея образования законосовещательного представительства – прообраза парламента – уже настолько созрела в обществе, что игнорировать ее стало признаком обскурантизма. Образование всесословного представительства было логическим продолжением отмены крепостного права, либеральных реформ начала 60-х годов, существенным шагом к социальному замирению. В своем развитии этот институт необходимо эволюционировал бы в полноценный парламента и будучи подготовительной школой его воспитал бы немало политических деятелей государственного масштаба, способствовал бы формированию политических партий основных классов российского общества, кристаллизации их интересов, политическому просвещению широких народных масс, аккумуляции и разрядке избыточной энергии образованного меньшинства, цивилизованным правилам политической борьбы и т. д.

III. Эпоха Александра III

Враги России, враги ее органического развития, враги конституции и парламента 1 марта 1881 года убивают Александра II. Общество оцепенело от совершенного злодейства, а дальнейшая судьба России оказалась в зависимости от выбора наследника Александра III, на историческом распутье. Вопрос «Куда идти?» был решен 8 марта 1881 года Советом министров под председательством нового царя.

Первомартовская катастрофа положила конец конституционно-парламентским ожиданиям либерального общества. Александр III, напуганный террористическими актами последних лет и убийством своего отца, поддался истерическим речам ультраконсерваторов типа Победоносцева и судьбоносный указ Александра II был предан забвению, а либеральные министры Лорис-Меликов, Абаза, Валуев, Милютин и другие были уволены или сами подали в отставку.

Придворная камарилья и народовольцы ликовали. Первые – по случаю сохранения кондового самодержавия и обе партии – по случаю воспрепятствования установления в России конституционно-парламентских начал, ибо с их институционализацией процессы общей демократизации, развития гражданского общества, капитализма в России пошли бы более быстрыми темпами. Для партии обломовых, привыкшей в течение столетий только тиранствовать и паразитировать за счет эксплуатации других, пораженной умственной и физической ленью, процессы демократизации и капитализации были бы приговором ее дальнейшей исторической несостоятельности. Что и произошло с дворянством после 1861 года.

Развращенное выкупными платежами и предшествующей растительной жизнью, оно не сумело адаптироваться к быстро капитализирующейся России, промотало свое имущество, так и не став полноценными скрепами российского государства.

Чтобы выжить в новых экономических условиях, приходилось продавать землю, идти на государственную службу или заняться предпринимательством. Освоить последнее было делом немногих. Проще было землю продать или сдать ее в аренду. С 1861 года начинается процесс интенсивного обезземеливания господствующего сословия. С 1863 по 1904 годы дворянское землевладение сократилось на 35 миллионов десятин, или по 45 центральным губерниям европейской России на 40 % (Корелин... С. 57, 56). С ослаблением экономических позиций слабеет и политический голос дворянства. Его слабые претензии заявить на политическую самостоятельность в январе 1895 года были решительно отклонены Николаем II. И оно снова на десятилетие погрузилось в социальную дрему, пока не было разбужено общим оживлением общественной жизни начала XX века. Но и грозные 1905–1907 годы не подвигли это сословие к политической самоорганизации, к осмыслению происшедшего катаклизма, необходимости более тесной политической консолидации с династией для выработки более адекватной классовой политики в сложившейся в России социально-экономической ситуации, решительному отстаиванию своих классовых интересов перед царем-недотепой. Однако никаких глубоких выводов и практических шагов в этом направлении до самой Февральской революции сделано не было. Полагались на русское «авось», на саморазрешение всех российских проблем стихийно. Всей этой своеобразной маниловщине Февраль 1917 года поставил точку. Так привилегированное сословие, призванное быть скрепами российского государства, благодаря своему политическому безволию, политической близорукости промотало историческое наследие, уступив место политическим проходимцам.

Процессы демократизации и капитализации российского общества были смертельны и для народников всех мастей, ибо гражданское взросление российского населения становилось бы все возрастающим препятствием для усвоения народом их популистской демагогии. Процессы ускоренного обуржуазивания российского общества способствовали бы и ускоренной

классовой поляризации его, росту материальной обеспеченности низов, их классовой самоорганизации, социализации и т. д. К сожалению, Александр III, никогда не отягощавший себя занятиями по усвоению премудростей общественных наук и проблемами управления государством, мало путешествовавший по стране, мало читавший и плохо знавший народ, не смог адекватно оценить внутривластную и народнохозяйственную ситуацию, общественные потребности унаследованной им России. Умственные способности его оказались ниже отцовских и он не смог приумножить начал, заложенных его венценосным родителем.

Выпавший из рук Александра II трон был унаследован его сыном – Александром III, в данный момент его не ожидавшим и потому не готовившимся к его принятию. Александр II тоже не ожидал своей трагической кончины, был полон надежд на претворение своих планов, которые достойно бы увенчали начатые им реформы начала 60-х годов. Но это никак не входило в планы террористов-утопистов из «Народной воли». И 1 марта 1881 года царь – Освободитель пал жертвой их преступных замыслов. К их общему ликованию, но к общему горю всей патристически мыслящей России. Ведь немного-немало Александр II в этот день должен был возвестить о рождении российского прообраза парламента – мечте российских конституционалистов. И пусть этот орган носил бы поначалу совещательный характер, но его рождение символизировало бы о желании династии вступить в диалог с обществом, с его наиболее творческой частью, готовой взять на себя определенную ответственность за судьбу России, за совместное с династией решение наиболее актуальных проблем недавно вышедшего из пут крепостничества общественного организма. А проблем было много. Это и вопросы пореформенного крестьянства, и отношения к радикалам социалистического толка, и вопросы судебной реформы, местного самоуправления, финансового положения страны после разорительной русско-турецкой войны 1877–1878 годов, и вопросы взаимоотношений с западными державами, выбор наиболее исторически перспективного союзника среди них; проблемы нарождающегося рабочего класса и его взаимоотношений с нарождающимся классом буржуазии и пр. И судя по предшествующей внутренней политике, Александр II готов был решать эти вопросы в положительной плоскости, т. е. в плоскости смягчения накопившихся противоречий. И его готовы были поддержать наиболее дальновидные политики из ближайшего окружения. У России появлялась реальная возможность дальнейшего продвижения по пути общественного прогресса, заложенного реформами начала 60-х годов. Убийство императора повергло все думающее сообщество в кому. Над всеми витал вопрос: «Что будет с планами общественного обновления убитого императора, какой путь выберет его наследник?».

Каков был портрет вновь взошедшего на престол царя? Попытаюсь нарисовать его глазами современников Александра III. Но предварительно необходимо отметить, что в течение многих лет духовным наставником цесаревича Александра Александровича был крайний реакционер Победоносцев, сторонник нравственного ригоризма, осуждавший Александра II за измену супружеской верности, что было источником глубоких переживаний цесаревича и что стало одним из источников их взаимного недоверия еще с 60-х годов. Увлечение Александра II с 1864 года княгиней Долгоруковой отдалило от отца его детей и мать. Цесаревич стал тяготиться общением с отцом и больше прислушиваться к советам Победоносцева, а тот на изъянах политики и характера Александра II (государственной дряблости, не национальной политики, семейной безнравственности) учил цесаревича каким должен быть император – волевым, национально ориентированным и пр. Немаловажную роль в становлении духовной близости цесаревича и Победоносцева сыграли повышенная религиозность наследника и их взаимная симпатия к славянофильству (Победоносцев К. П. и его корреспонденты. Тайный правитель России. М.: Русская книга, 2000. С. 508–514). «Злой гений» России сумел убедить своего ученика в негативности всей реформаторской деятельности своего отца и во взглядах на государственное устройство России.

Основными чертами личности нового монарха князь Мещерский называет правдивость, честность и прямоту (Князь Мещерский. Воспоминания. Захаров. М., 2001. С. 470). История показала, что на благоденствие российского государства эти черты существенного влияния не оказали. Существенным недостатком престолонаследника было отсутствие системного образования в области гуманитарных дисциплин, особенно социологии, без знания которых невозможно было сформировать объективный взгляд на сущность общественных противоречий, исторических тенденций, присущих России последней трети XIX века, а также основным регионам мира, в которых внешняя политика стран взаимодействовала с внешней политикой российского государства.

Умных людей возле Александра III не было (Богданович... С. 197). Зря он послушал Победоносцева и не дал конституцию, сейчас бы не было беспорядков (Богданович... С. 474).

«Монарх слабоумен» – констатирует советник министра иностранных дел Гирса Ламздорф 4 апреля 1887 года (Ламздорф. Дневник 1886–1890... С. 94).

На радость японского премьера о торжестве – принятии конституции (1889) – Александр III пишет: «Несчастные, наивные дураки» (Указ. соч. С. 177). Еще худшего мнения Александр III был о российских подданных: «Конституция? Чтоб русский царь присягал каким-то скотам?» (Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. С. 35). Вот плоды просвещения Победоносцева!

И. Тургенев о великом князе Александре Александровиче (Париж, октябрь 1879): «наследник произвел на меня очень посредственное впечатление» (Указ. соч. С. 82).

Феоктистов (1848–1896), глава Главного управления по делам печати при МВД в период царствования Александра III: «Умственное развитие Александра III стояло очень низко, плоть чересчур преобладала над духом» (Указ. соч. С. 164).

Проработавший с Александром III пять лет (1887–1892) министром финансов Вышнеградский был невысокого мнения о его государственных способностях (Ламздорф В. Н. Дневник 1891–1892. Минск: ХАРВЕСТ, 2003. С. 126).

В феврале 1892 года министерство народного просвещения представило в Госсовет законопроект о создании школы для женщин-врачей и санитарок для провинций. Госсовет единогласно одобрил, кроме Победоносцева. Проект отдали на усмотрение Александра III – и тот поддержал Победоносцева. Оба считают, что женские курсы фельдшерниц будут школами нигилизма и пропаганды. Весь Госсовет в глубоком удручении (Указ. соч. С. 313). Два кретина! Сельская глушь задыхается от отсутствия медицинских кадров, а они все еще обуяны страхом от народнического террора. Уж коли все еще силен «первомартовский синдром», расширь полицейский контроль, сыскную службу, ужесточи наказание за антигосударственную пропаганду вплоть до смертной казни и т. п. Оставлять же из-за этого синдрома широчайшие народные массы без медицинской помощи – государственное преступление, демонстрация слабоумия. А Госсовет оказался выше монарха, проявив подлинные здравомыслие и патриотизм, вопреки расхожему мнению советских публицистов, как оплот реакции.

От воцарения Александра III его учитель Чивилев «ужаснулся» (Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. С. 11).

Чичерин (известный публицист второй половины XIX – начала XX веков): «я не слышал от него ни одного дельного вопроса, ни одной живой мысли» (Указ. соч. С. 11). На сетования тобольского губернатора на большую неграмотность среди населения Александр III наложил резолюцию: «И слава Богу» (Указ. соч. С. 263). Сам не страдал книголюбием еще и испытывал удовольствие от невежества подвластного ему народа. И невдомек августейшему увальню, что благосостояние общества и его жизнеспособность напрямую зависят от роста его образованности. Задумался бы, почему в Европе рост производительности труда значительно выше отечественного, почему вооружение там более совершенное, чем российское. Ведь, наверное, сам убедился во время русско-турецкой кампании 1877–1878 годов в более качественном воору-

жении турецкой армии как ее участник. Или не задумался? Наверное, нет. Иначе не испытывал бы удовлетворения от горького признания тобольского губернатора. Ведь чтобы усомниться или уверовать в правильности курса государственного корабля, необходимо обладать широким кругозором, что невозможно без системного образования, без постоянной работы над собой, духовного самообогащения. Таким пристрастием наследник Александра II себя не отягощал, что и подмечено было Достоевским после нескольких встреч с семьей наследника в декабре 1880 года: «Милые, но малообразованные» (Ольга Барковец, Александр Крылов-Толстикович. Неизвестный император Александр III. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. С. 205).

Малоначитанность автоматически продуцирует низкую культуру, приверженность к обывательским формам мышления, убежденность видеть в широко распространенном невежестве опору незыблемости самодержавия. Малообразованность вкупе с неограниченной властью – благоприятная основа и для порождения чувства собственной непогрешимости. Этот недостаток не обошел, как указывает Ламздорф (Ламздорф. Дневник 1886–1890, ... С. 252), и Александра III, августейшего мракобеса. Общения с образованными людьми в семье Александра III не любили, их сфера – анекдоты, общие места, смешные словечки (Ламздорф. Дневник 1886–1890... С. 252). На домашних обедах у Николая I и Александра II часто присутствовало много интересных людей, велся интересный разговор по многим темам; у Александра III за столом перебрасывались хлебными шариками, начинал игру сам Александр III (Ламздорф. Дневник 1891–1892... С. 232). Содержательное времяпровождение сменяется обывательщиной, типичной для людей с узким кругозором. Мог ли самодержец с подобным уровнем умственного развития желать высокой грамотности подвластного ему чада?! Не дай Бог, читать научатся, хулу на власть возводить начнут, уж пусть лучше пребывают в невежестве...

Уничтожающую характеристику Александру III дает Витте, немало лет наблюдавший его вблизи: «Александр III был человек обыкновенного ума и обыкновенных способностей... даже ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования...» (Александр Третий. Воспоминания... С. 273–274). И вот этому человеку «ниже среднего образования» после убийства отца пришлось решать задачу из области образования высшего. Мог ли он с ней справиться? История запечатлела ответ отрицательный, что было вполне ожидаемо для правителя с умом ниже среднего.

Трагически судьбоносным для России стало совещание Совета министров, созванное Александром III 8 марта 1881 года для обсуждения конституционного проекта Лорис – Меликова. Председатель Совета министров Валуев, министр внутренних дел Лорис-Меликов, военный министр Милютин, министр финансов Абаза, министр юстиции Набоков выступили в защиту намечавшегося Александром II узаконения проекта о созыве представительного органа как венца его либеральных реформ начала 60-х годов. Милютин заявил, что беды нынешнего российского общества в том, что реформы Александра II остановились на полдороге и что для дальнейшего совершенствования государственного устройства России намечавшуюся меру покойного императора необходимо претворить именно теперь (Конституция Лорис-Меликова. С.-Петербург. Издание типографии С. М. Проппера, 1907. С. 61, 51). Председатель департамента законов князь Урусов: «необходимо привлекать к управлению лучших людей страны» (Рутыч Н. Н. Думская монархия. СПб.: Логос. С. 12). Министр финансов Абаза: «Без совещания с представителями общества обойтись невозможно, когда речь идет об издании важных законов. Необходимо привлекать людей, которым население доверит его голос...» (Указ. соч. С. 12). Парламентские замыслы Александра II были поддержаны и великими князьями Владимиром и Михаилом, высказавшими мысль о том, что «мы не можем далее управлять, как доселе управляли» (Указ. соч. С. 59). Александр III охладил «представительский» пафос вельможных либералов: «Император Вильгельм, услышав, что батюшка хочет дать конституцию России, умолял его не делать этого... В Дании мне не раз говорили министры, что депутаты, заседающие в палате, не могут считаться выразителями народных

потребностей» (Указ. соч. С. 52, 55). Усомниться бы «бульдожке», почему кайзер отказывает России в парламенте, хотя сам пребывает в парламентской системе?! Не задумался, видимо, твердо усвоил азы политического букваря своего учителя Победоносцева, что самодержавие для России – на все времена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.